

5 МАР 1982

Ирина Ракша — автор книг «Встречайте проездом», «Марини цветы», «Натилось колечком», «Весь белый свет», «Далеко ли до Чукотки?» и других. По ее сценариям сняты художественные фильмы «Бабье лето», «Арбузный рейс», «Верись — не верись», «Однажды летом». Писательница получает много читательских писем, их поток особенно возрос после опубликования в прошлом году в «Роман-газете» ее произведений «Весь белый свет», «Утрата», «Хозяин». В письмах читатели чаще всего спрашивают, как она стала писательницей, кто из героев более всего ей близок.

СКАЖУ СРАЗУ: писателем я быть не собиралась. И по своему опыту, и по опыту своих коллег думаю, что писательская профессия приходит и обретается не сразу, а исподволь, порой даже случайно. И институты тут ни при чем. Писать научить нельзя, можно научить быть грамотным, научить вкусу, а быть писателем — нет. Ибо писатель это не только профессия, это свойство души и склад души. Это свойство должно укрепиться и оправдаться годами, а душа — складываться и, наконец, сложиться. Вообще слово «писатель» (впрочем, как и слово «поэт») всегда звучало для меня так весомо, так высоко, что я, уже пройдя двадцать лет творческого пути, всегда стеснялась произносить его, заменяла словом «литератор». Для меня это все равно, что сказать «хоро-

ший человек». А кто о себе такое скажет?

Писателем я быть не собиралась. Родители мои агрономы. И я хотела стать агрономом. А пока, не окончив десятилетки, махнула из Москвы, где родилась, на Алтай с поездом первоцелинников. В алтайском предгорье мы zaloжили совхоз «Урожайный». Все началось буквально с колышка, с пяти палаток и трех вагончиков на берегу заснеженной Катунь. Запомнился первый сибирский буран, который ночью сорвал нашу палатку, унес в поле печку-буржуйку, чемоданы с вещичками, и мы, десять девчат, остались в постелях во тьме, в снежной воющей круговерти. А по весне, когда уже шла пахота, сами, сидя за рычагами тракторов, находили далеко в поле в жирной земле наши нехитрые девичьи одежки.

Первые мои публикации —

стихи, очерки, рассказы (сегодня вижу, как они были слабы и несовершенно) — начались именно там, в Сибири, в бийской и барнаульской газетах. Первая встреча с настоящими писателями, ставшая впоследствии изначальной на моем творческом пути, произошла именно на Алтае.

Беседу ведет автор

Ирина РАКША

«Только сегодня!» — висел рукописный плакат возле нашей конторы. А ниже крупным, красным: «Михаил Светлов, Марк Соболев, Василий Субботин». Вечером они читали стихи на сцене нашего недостроенного клуба. Где-то стучал движок. В клубе пахло свежеструганными досками. Была сцена, были дощатые стены, а потолка и окон не было. Сквозь стропила в ночном небе над нами светили звезды. И вот под этими звездами мы, сидя на лавках, в проходах, на подоконниках, слушали, вернее, внимали, высокое слово Поэзии. Помню, меня поразили Светлов не столько замечательными сти-

хами, сколько острым юмором, простотой обращения, светящимся обаянием. Случилось так, что назавтра мы неожиданно встретились с ним в поле среди уже колосющихся хлебов на вечернем закате. Я спешила, верхом везла почту из района в совхоз. Тогда и представить себе не

ДОРОГИЕ МОИ ЧИТАТЕЛИ

могла, что, спустя годы, он будет моим строгим учителем и даже напишет: «По алтайской степи на взмыленном коне пронеслась мимо меня «амазонка». Так состоялось мое первое знакомство с семнадцатилетней Ириной Ракшой. Я тогда никак не думала, что буду писать вступительное слово к ее рассказам. Она тогда была никаким писателем, так же как я никакой наездник...». А закончит так: «Ирина! Я называю тебя талантливой. Смотри не подведи меня».

Это были прекрасные, но и требовательные слова. Они накладывали непомерную ответственность за выбор сде-

ланного пути. А выбор этот был все же отчаянным. Я бросила Тимирязевку — известный найденный путь, где училась с повышенной стипендией, и пошла, как говорится, «в литературу» — босиком, по неведомой, каменистой дороге. И я благодарна судьбе, что в период моего

становления как личности, да и позже, она мне подарила на этом пути встречи со Светловым, Пастернаком, Шукшиным, Хикметом, Нилиным, Носовым, Алексеевым и другими. Для молодых особенно важно, кто в начале твоего пути с тобой рядом. И лучше, если это человек бескомпромиссный, пусть даже жестокий.

Несколько лет я веду в Союзе писателей «Клуб рассказчиков». Приходится много читать, обсуждать, и особенно молодых. Работать с молодыми. И как, порой, важно подсказать, оградить от ошибки. Сейчас среди пишущих много женщин. Мне, по-

рою, встречается термин — «женская проза». Считаю, что проза не может быть мужской или женской. Проза может быть слабой или сильной, выразительной или серой. Никто еще не отменял слово «талант». А талант, как и прежде, редок, как и прежде, бесценен, и, как прежде,

более беспомощен, чем предпринчивость. По этому поводу часто вспоминается точная поэтическая строка: «Талантам надо помогать, а прочие пробьются сами...». И вузы тут ни при чем или почти ни при чем тут школа — жизнь.

В письмах читатели часто задают вопросы о Василии Макаровиче Шукшине, с которым я и мой муж художник Юрий Ракша были дружны многие годы. А я — даже с «алтайских, целинных» времен, так как «его Сропки», где он родился и жил, и «мой «Урожайный» разделяло лишь течение полноводной Катунь да прибрежные пере-

лески. С его матерью Марией Сергеевной мы дружили и переписывались до дня ее смерти. Юра неоднократно рисовал Шукшина, я посвятила памяти Василия Макаровича рассказ «Евразия», который ему очень нравился. Но о В. Шукшине надо вести разговор отдельный. Скажу

только, что прообраз главного героя моей повести «Весь белый свет» (старика-партизана Сергуни Литяева) отчасти «подарил» мне Шукшин, познакомив в Сротках с удивительным стариком - паромщиком. Из Москвы часто ездила в Горный Алтай, на наш Чуйский тракт. Нашла там многих участников Гражданской войны, жила у них, много записывала. В общем, повесть рождалась трудно, хотя писалась потом довольно быстро. (Вспоминаю слова французского режиссера: «Мой фильм уже готов, его осталось только снять»). Но все же первым, изначальным про-

образом моего Сергуни был шукшинский старик - паромщик.

Иные спрашивают, как после многих «современных» повестей и рассказов я — мать семейства, человек, родившийся перед войной и пороха не нюхавший, — вдруг сделала главным своим героем семи-

десятилетнего старика - крестьянина и досконально пишу его жизнь?

Я и сама над этим задумывалась. Просто мне, очевидно, через него было легче высказаться. Мне — через него, ему — через меня. Ведь он для меня истинно живой. Кроме того, Сергуня — это не только мое понимание биографии времени, истории страны, это мое философское и эстетическое кредо. В его повседневных делах, в конкретности крестьянских забот, которые знаю по своей сельской жизни, я ставила и общечеловеческие проблемы — любви, ненависти, чести, долга, добра, зла. Сергуня Литя-

ев простой полуграмотный человек, пройдя все тяготы жизни, войны, утраты, задается главными вопросами бытия: «...он понимал, что время — вещь неподвластная, непонятная и память о каждом не сохранит. И наверно, когда он и сам умрет, память о нем также исчезнет, истает из года в год. Забудется облик, подробности жизни, растеряются и истлеют вещи и фотографии. А что останется от него, Сергуни Литяева?.. Что вообще должно остаться от каждого, прожившего свой век? От Человека? Животно-го? Древа? Не горстка же праха? Чего ж тогда жить? На что рождаться? И сколько на свете вообще продлится все это живое?.. Сергуниной мысли так хотелось пробиться к конечной цели, пробиться к истине, к ясным ответам. Но он их не знал и не мог осилить».

Вообще единство героя и автора, взаимоотношения героя и автора — это понятия сложные и требуют отдельного разговора. А пока только отмечу — при работе неизбежно наступает такой момент, когда герой сам начинает «вести» тебя за собой, а

ты только поспеваешь за ним. Он начинает диктовать тебе свои слова, свои поступки, ты мыслишь его категориями, ты перевоплощаешься. И уже трудно понять, где ты, а где он. И это все потому, что автор един во всех лицах. Он и режиссер, и художник, но главное — он актер. Он проигрывает каждого из героев. И даже не из героев. Он сам — и дерево, и человек, и закат...

Когда меня спрашивают, какое человеческое качество я больше всего ценю, я отвечаю, не задумываясь, — СОУЧАСТИЕ. Думаю, это самое высокое понятие, которое включает в себя и любовь, и доброту, и неуспокоенность души. Иначе говоря — умение сочувствовать любому другому существу. Мгновенное умение как бы переселяться в душу другого и ей сочувствовать. Стоит вдуматься в само слово. «Со» — значит вместе. Сочувствовать, со-участвовать — значит вместе чувствовать, вместе участвовать.

Уверена, именно эти качества человека рождают Человека, рождают все доброе, что есть на земле...